

RU

Диалог и взаимная печать Востока и Запада в поэзии И. А. Бунина

Лу Чи

Аннотация. Цель исследования – выявление специфики диалогического взаимодействия восточной и западной культурных парадигм, отражающегося в поэзии И. А. Бунина, в контексте формирования художественного мира поэта. В статье рассматриваются особенности взаимовлияния образов двух культурно-цивилизационных моделей – Востока и Запада – в поэзии Бунина. Изучаются приёмы их репрезентации на семантическом и сюжетно-тематическом уровнях. Оценивается роль упомянутого взаимодействия в конструировании художественного мира поэта как одного из средств воплощения поэтического мировосприятия, обеспечивающих глубинную полифонию образов и мотивов. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые диалогическое взаимодействие восточной и западной парадигм в поэзии Бунина рассмотрено не как простое тематическое соседство или механическое наложение образов, а через выявление конкретных механизмов их семантической и ритмической интеграции. В результате исследования установлено, что диалогизация культурных парадигм у Бунина не сводится к простому сосуществованию «восточных» и «западных» мотивов, а реализуется через систему приёмов, создающих многоголосие художественного мира. Это проявляется в том, что отдельные восточные маркеры – пальма, ковер, базар – не просто служат экзотическими декорациями, но вступают в плотное семантическое и ритмическое взаимодействие с западными кодами – каменной архитектурой, церковными образами, городской перспективой.

EN

Dialogue and mutual imprint of East and West in the poetry of I. A. Bunin

Chi Lu

Abstract. The purpose of the study is to identify the specifics of the dialogical interaction of Eastern and Western cultural paradigms reflected in the poetry of I. A. Bunin in the context of the formation of the poet's artistic world. The article examines the peculiarities of the mutual influence of the images of two cultural and civilizational models – East and West – in Bunin's poetry. The methods of their representation at the semantic and plot-thematic levels are being studied. The role of the mentioned interaction in the construction of the poet's artistic world is assessed: as one of the means of embodying a poetic worldview, providing a deep polyphony of images and motifs. The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time the dialogical interaction of Eastern and Western paradigms in Bunin's poetry is considered not as a simple thematic juxtaposition or mechanical superposition of images, but through the identification of specific mechanisms of their semantic and rhythmic integration. This approach allows for the identification not only of individual motifs and images from the East and the West but also of the mechanisms of their integration within the artistic world of the poet. As a result of the study, it was established that the dialogization of cultural paradigms in Bunin is not reduced to the simple coexistence of "Eastern" and "Western" motifs, but is realized through a system of techniques that create polyphony of the art world. This is manifested in the fact that individual oriental markers – palm, carpet, bazaar – not only serve as exotic decorations, but enter into dense semantic and rhythmic interaction with Western codes – stone architecture, church images, urban perspective.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в современном литературоведении назрела острая потребность в осмыслении механизмов формирования межкультурной идентичности и полифонической структуры художественного текста. В рамках глобализации изучение поэтического наследия Ивана Алексеевича Бунина (1870-1953) как продуктивного диалога цивилизаций позволяет выявить универсальные модели синтеза культурных кодов. Все это (в том числе) необходимо для решения проблемы преодоления европоцентризма в анализе русской литературы и понимания истоков современного транснационального художественного сознания.

В условиях растущего интереса к межкультурным подходам и необходимости критического переосмысления бинарных оппозиций «Восток – Запад» исследование, демонстрирующее диалогический характер их слияния в поэтическом тексте, способствует пересмотру канонических представлений о культурной подлинности и механизмах экзотизации (Евдокимова, Иванова, Федяй, 2022; Прожогина, 2022; Шевчук, 2015). Анализ репрезентации восточных и западных мотивов в поэзии Бунина позволяет уточнить специфику его художественного мышления и образной палитры, а также вычленил общие механизмы сосуществования культурных семантик, важные как для теоретического осмысления процессов культурной интеграции в литературе, так и для практики литературоведческого анализа и интерпретации читательского восприятия.

Таким образом, все это актуализирует проблему выявления специфики диалогического взаимодействия восточной и западной культурных парадигм, отраженного в поэзии Бунина, в контексте формирования его художественного мира. Решение проблемы обеспечит более полное представление о внутренних законах строения поэтического мировосприятия Бунина и о тех приемах семантической и сюжетно-тематической репрезентации, посредством которых восточные и западные культурные коды вступают в диалог, формируя оригинальные образные конфигурации.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть особенности взаимовлияния образов двух культурно-цивилизационных моделей – Востока и Запада – в поэзии Бунина;
- изучить приёмы их репрезентации на семантическом и сюжетно-тематическом уровнях;
- оценить роль упомянутого взаимодействия в конструировании художественного мира поэта (с точки зрения средств воплощения поэтического мировосприятия).

Материалом для исследования служит поэтический корпус Бунина, в том числе включающий авторские варианты стихотворений, рукописи и черновые наброски, письма и дневниковые записи, где фиксируются эстетические установки и ремарки поэта (КПТ: Бунин, 2003–2026). Общий объем исследуемого материала составляет приблизительно 350 лексических единиц, отражающих восточные и западные коды: в корпус входят более 200 опубликованных стихотворений, около 50 авторских вариантов и черновых набросков, дополненных корпусом писем и дневниковых записей Бунина, охватывающих период с 1890-х по 1950-е гг.

Теоретическую базу исследования составляют классические концепции, обеспечивающие инструментами для анализа взаимодействия культурных кодов Востока и Запада: концепции о семиосфере и механизмах культурной памяти (Лотман, 2004); представления о диалогизме и полифонии как способе конструирования множественных голосов в поэтическом тексте (Bakhtin, 1981; Бахтин, 2002); работы по поэтике и языковой функции художественного знака (Якобсон, 1987). Особую роль играют исследования, в рамках которых представлены современные подходы к проблемам Востока и Запада в гуманитарной мысли, в частности аргументация о конструировании «Востока» в западной культуре (Саид, 2016). Для уточнения категорий текстовой интенции и рецепции исследование опирается на идеи, дополняющие классические подходы смещением акцента с автора и текста как единственного источника смысла на активность читателя и историческую динамику восприятия (Барт, 1994; Юсс, 1994), а также позволяющие изучать межтекстуальные и трансформативные приемы (Женетт, 1998).

Для выявления специфики диалогического взаимодействия восточной и западной культурных парадигм, отраженного в поэзии Бунина, применяются методы интертекстуального и семиотического анализа, позволяющие изучить механизмы кодирования «Востока» и «Запада» в композиции поэтического текста. Методы историко-культурного и лингвопрагматического анализа обеспечивают возможность сопоставления поэтических образов с внешними культурными моделями и контекстуальными задачами. Для объективизации наблюдений используются корпусные и дискурсивные методы исследования, которые позволяют определить и верифицировать приёмы репрезентации образов двух культурно-цивилизационных моделей – Востока и Запада – на семантическом и сюжетно-тематическом уровнях.

Практическая значимость настоящего исследования состоит в том, что его результаты могут быть применены в нескольких смежных областях гуманитарного знания. В частности, выделенные приёмы диалогизации культурных парадигм могут использоваться в ходе составления учебных курсов/программ по истории русской поэзии XX века, сравнительному литературоведению и теории художественной речи; в рамках разработки учебно-методических материалов для студентов и аспирантов (обучающихся на филологическом, историческом или культурологическом факультетах); а также при написании критических работ, эссе, комментариев к антологиям и изданиям произведений Бунина. Анализ способов взаимодействия восточной и западной культурных парадигм представляет интерес для переводчиков и редакторов, работающих с поэтическими текстами, культурная кодировка которых требует репрезентации многослойных ассоциативных полей и полифонии художественного мира поэта.

Обсуждение и результаты

Изучение взаимодействия восточной и западной культурных парадигм в творчестве Бунина представляет область литературоведческих исследований с устоявшейся историографической традицией. Ранние работы, в частности, литературоведов второй половины XX века – О. В. Сливичкой, В. А. Келдыша, Л. К. Долгополова и др. – фокусировались на общем влиянии восточной философии и эстетики на творчество поэта (Ковалева, 2017; Молодяков, 2020). Постепенно фокус сместился на более детальный анализ конкретных языковых единиц (заимствований), мотивов и образов. Если изначально основное внимание уделялось источниковедению и типологии, позже – вопросам влияния и заимствования, в конце XX – начале XXI века акцент сместился в сторону

интерпретации контактов культур как диалогических процессов, где важны не только мотивы и образы, но и самоактуализация поэта как медиатора культурных смыслов (Жарикова, 2008; Ковалева, 2017; Фенчук, 2012).

Последние годы характеризуются углубленным изучением проблематики через призму компаративистики, рецептивной эстетики, герменевтики и семиотики. Современные ученые активно анализируют не только формальные элементы, но и глубинные смыслы, формирующиеся на стыке культур. Так, О. Ю. Алейников фокусируется на «потайных» смыслах в буниной лирике о мусульманском Востоке: это позволило выявить скрытые семантические пласты, связанные с экзотизацией и ориенталистскими стереотипами, и в то же время увидеть в поэтике Бунина не только внешнюю структуру образов, но и внутренние смысловые пласты (Алейников, 2020). К. В. Анисимов (2022) (в том числе К. В. Анисимов в соавторстве с М. С. Щавлинским (2022)) конструирует нарративные модели, отражающие взаимодействие культурных парадигм через призму тех трансформаций, в ходе которых перенос смыслов между культурными кодами сопровождается перестройкой композиционных принципов и сюжетных архетипов. В этом смысле также интересны работы Т. Н. Ковалевой (2024), Д. Д. Николаева (2020) и А. Х. Рахмановой (2021), где исследуются вопросы евангельских основ этики, трансформации сюжетных архетипов в контексте кросс-культурных пересечений и экзистенциальной рефлексии, обогащенной современными методами герменевтики и семиотики.

Большой интерес вызывают работы Г. Ю. Карпенко и Лю Юаньюань. В частности, Карпенко (2024), применяя междисциплинарную методологию, изучает проблему диалогического взаимодействия Востока и Запада в контексте «индийского парадокса», рассматриваемого в области пересечения восточной философии и европейской эстетики. При этом развивает исследование художественной гносеологии Бунина с акцентом на проявление «чувственной памяти» как ключевого механизма художественного познания (Карпенко, Мишра, 2024; Карпенко, Франковская, 2023). Лю Юаньюань (2022; 2023), в свою очередь, обращает внимание на буддийскую концепцию сансары в творчестве Бунина: она систематизирует её рецепцию в Китае, анализируя многочисленные контексты восприятия (включая маркеры сомнения и подтверждения, через которые смысл цикличности переживания подается либо как метафора моральной неоднозначности, либо как утверждение философской тотальности). В целом работы Карпенко и Лю Юаньюань не только реконструируют содержание художественных и философских пластов, но и моделируют способы, которыми тексты Бунина функционируют как поле межкультурного диалога, перестраивая эпистемическую позицию читателя.

Анализ существующих на сегодняшний день научных работ по вопросам выявления специфики диалогического взаимодействия восточной и западной культурных парадигм в поэзии Бунина позволил сформулировать алгоритм дальнейшего исследования: в частности, обосновывается необходимость не только рассмотрения особенностей взаимовлияния образов двух культурно-цивилизационных моделей, но и изучения приёмов их репрезентации на семантическом и сюжетно-тематическом уровнях, а также особенностей влияния на специфику конструирования художественного мира поэта (что обусловлено недостаточной проработанностью методологического аппарата, затрудняющей системное выявление и интерпретацию тех сложных семантических и прагматических трансформаций, через которые проходит обращение Бунина к восточным и западным мотивам).

Рассмотрение **особенностей взаимовлияния образов двух культурно-цивилизационных моделей** (Восток и Запад) в поэзии Бунина целесообразно осуществлять в рамках понимания того, каким образом поэт конструирует культурные сигнатуры: и в частности, не как оппозиционные мотивы, а как сцепления образов, ощущений и ритмов, в которых каждая модель подпитывает и переформатирует другую (Фенчук, 2012). Для Бунина «Восток» зачастую выступает не столько географией, сколько пластом эстетических качеств: плотной чувственности, медленной временной насыщенности, декоративной метафоричности ландшафта: *«Ни алтарей, ни истуканов, / Ни темных капищ. Мир одет / В покровы мрака и туманов: / Боготворите только Свет...»* («Ормузд») (КПТ: Бунин, 2003–2026). Эти черты проявляются в устойчивых мотивах ночи, света/тьмы, мира, солнца, тумана – элементов, обладающих у него практически овеществлённой идеей, которая как бы вырывается из метафорической плоскости и претендует на самостоятельное существование.

При этом овеществлённость становится одним из главных механизмов взаимопроникновения культурных моделей. С ее помощью осуществляется материализация небесной и световой символики, в том числе за счет ее трансформации в конкретные топосы – локусы телесности, формирующие аксиологический каркас художественного мира поэта. *«Безносый сфинкс среди полей Гизехи, / Ленивый Нил да глыбы пирамид, / Руины Фив, где гулко бродит эхо, / Да письма в куски разбитых плит...»* («Ра-Озирис, владыка дня и света...») (КПТ: Бунин, 2003–2026), где египетские архетипы – *сфинкс, Нил, пирамиды, руины* – с одной стороны, выступают экзотическим антуражем, с другой – преобразуются в инструменты мифопоэтической деконструкции линейной темпоральности. За счет этого фрагментарность материального мира (*«разбитые плиты», «письмена»*) становится способом передачи мотивов времени и памяти, которые, в свою очередь, позволяют зафиксировать общий смысл высказывания, а также обозначить экзистенциальный опыт лирического субъекта. Их своеобразие усиливает уже обозначенную у Бунина телесность света и тени и становится средством рефлексии о бренности человеческого существования и о том, как личная судьба растворяется в вещественной памяти мира: камень и вода здесь не просто фон, а активные носители времени. В композиции этих мотивов Восток не отторгается в виде замкнутой чуждой системы, а включается в поэтический синтаксис: *«Но шли века – со всех концов вселенной / К нему неслись молитвы, и рекой / Текли во храм, далекий и священный, / Сердца, обремененные тоской...»* («Черный камень Каабы») (КПТ: Бунин, 2003–2026), где композиционные и колористические принципы искусства, характерные для восточного художественного дискурса, вступают во взаимодействие с эстетическими парадигмами, свойственными западной традиции, порождая новые модели и формы.

Репрезентация «Запада» в поэзии Бунина осуществляется через альтернативный набор референтных координат – линейность исторического времени, рефлексия, интеллектуальная дистанция. Он проявляется

в рациональной структуре стихотворения и его интонации, а также в точности наблюдения лирического героя: *«Гаснет день – и звон тяжелый / В небеса плывет: / С башни старого костела / Колокол зовет...»* («В костеле») (КПТ: Бунин, 2003–2026). В подобных произведениях «Запад» выступает как культурно-эстетическая координата, задающая особый ритм и интонацию поэтической речи. Линейность исторического времени у Бунина проявляется через последовательность наблюдений и перспективу: сцены фиксируются как выдержанные кадры, в которых прошедшее и настоящее соединяются не драматической кульминацией, а спокойной констатацией: *«А в костеле – ожиданье: / Сумрак, гул дверей, / Напряженное молчанье, / Тихий треск свечей. / В блеске их престол чернеет, / Озарен темно; / Высоко над ним желтеет / Узкое окно»* («В костеле») (КПТ: Бунин, 2003–2026). Такая структура позволяет поэту сохранять дистанцию – но не в контексте отчуждения от изображаемого мира, а глубокого созерцания. Дистанция выстраивается через нейтральную, почти документальную подачу сцен, преобладание фиксирующей формы настоящего времени – редкие восклицания, умеренное употребление оценочных слов, сжатая синтаксическая структура. Подобная поэтика, которая ближе соотносится с интеллектуальным анализом и историческим размышлением, нежели с риторикой убеждения, в большей степени характеризует западную культурную парадигму.

При этом важно понимать, что взаимовлияние образов двух культурно-цивилизационных моделей в поэзии Бунина происходит не путем чистой подстановки восточного мотива в западную форму или наоборот, а через создание полифонической ткани, где восточная чувственность делает образы «плотнее», а западная форма придает им структурную ясность и ритмическую основу, позволяя интенсивности переживания сочетаться с рефлексией (Алейников, 2020; Ковалева, 2017). Все это выражается в эпитетах и метафорах, которые одновременно окрашены «ориентальными мотивами» (Жарикова, 2008) и характеризуются предельной краткостью лексических единиц: *«Цветет жасмин. Зеленой чащей / Иду над Теремом с утра. / Вдали, меж гор – простой, блестящий / И четкий конус серебра...»* («Жасмин») (КПТ: Бунин, 2003–2026). Ориентальные мотивы (*жасмин, чаща, конус серебра*) создают эффект материальной плотности изображения, тогда как короткие, ясные синтаксические конструкции (*«Лес замирает, млеет в зное, / Но тем пышней цветет жасмин»*) формируют структуру и ритм – интенсивность переживания сочетается с рефлексией. От этого возникает характерная для Бунина двойственность поэтического мира: взгляд одновременно направлен вовне, на чувственно воспринимаемый предметный мир, и внутрь, в пространство памяти и экзистенциальной тоски.

В целом анализ приёмов репрезентации образов Востока и Запада в поэзии Бунина логично свести к двум взаимосвязанным уровням исследования: **семантическому и сюжетно-тематическому** (первый определяет конкретные языковые маркеры и художественные техники; второй – как эти маркеры конструируют смысловые сюжеты, мотивы и мировоззренческие позиции). При этом, как показывает анализ поэтического корпуса Бунина, семантический уровень его произведений проявляется, прежде всего, в перераспределении семантических полей, а также в переносе и оживлении образов через метафорические и ассоциативные связи. Описания южных пейзажей, лесов, садов, ночных огней выполняются через подбор конкретных номинативов и эпитетов, которые создают ощущение богатой чувственной фактуры: *«...И вот уже в Скутари на погосте / Чернеет лес, и тысячи гробниц / Белеют в кипарисах, точно кости...»* («Стамбул») (КПТ: Бунин, 2003–2026). Через метафоризацию ландшафт становится носителем смысла: *погост* и *гробницы*, *лес* и *кипарисы* предстают как символы памяти, отражающие историческую глубину и интерпретированные поэтом в контексте южных пространств. При помощи метафор и сравнений, опирающихся на цвета и текстуры, Восток становится не просто топомосом, а состоянием души и временем, отражённым в материальных образах. Фонетические и метрические приёмы у Бунина также служат усилению этой репрезентации. Мягкая сонорность, длинные музыкальные фразы, синкопированные паузы и мелодическая интонация создают акустический эквивалент «южной» атмосферы: *«Веселыми несметными огнями / Горит Каир. А сфинкс от пирамид / Глядит в ночную бездну – на Апит / И темь веков. Бог Ра в могиле. В яме»* («Каир») (КПТ: Бунин, 2003–2026), превращая звучание в своеобразный хронотоп, где музыка строки фиксирует и репродуцирует историческую глубину, а голос лирического субъекта становится инструментом сакрализации бытия.

Противоположным образом западные референции чаще характеризуются экономией слова, ясностью синтаксиса и лаконичным лексическим рядом. Лексика, связанная с городской жизнью, временными координатами и рефлексией, придает тексту ощущение линейности и рациональности: *«С темной башни колокол уныло / Возвещает, что закат угас. / Вот и снова город ночь сокрыла / В мягкий сумрак от усталых глаз...»* («В старом городе») (КПТ: Бунин, 2003–2026). На уровне стиля это проявляется в резких точках-акцентах, коротких предложениях, отчуждённых ремарках лирического героя, которые формируют эмоциональную насыщенность. Синтаксические средства – частые инверсии (*«Улицей бредет она пустынной...»* («В старом городе»)); параллелизмы (*«Не туман белеет в темной роце, / Ходит в темной роце богоматерь...»*); сжатые перечисления (*«Уж в долинах сыро, пали тени, / Уж луга синеют, пали росы...»* («Канун Купалы»)) (КПТ: Бунин, 2003–2026) – используются для создания контраста с плавностью «восточных» сцен и задают дискурсивную дистанцию, характерную для западной эстетики наблюдения и суждения.

Переpleтение этих двух уровней в поэзии Бунина неоднородно: Восток и Запад входят в структуру стихотворения как полярные регистры, между которыми возникают динамическое напряжение и художественная игра. На лексическом уровне это проявляется в чередовании ориентализмов и прагматичных, «европейских» реалий в соседних строках. На уровне стилистики – в переключениях между протяжной, музыкальной фразой и резкой точкой, между чувственной образностью и аналитическими размышлениями: *«И холмы все безнадёжней. Глина, роговик... / День тут светел, бесконечен, вечер синь и дик. / И едва стемнеет, смеркнет, где-то между скал, / Как дитя, как джинн пустыни, плачется шакал, / И на мягких крыльях совки трепетно парят, /*

И на тусклом небе звезды сумрачно горят» («К востоку») (КПТ: Бунин, 2003-2026). Важной особенностью становится способность Бунина кодировать обе культурно-цивилизационные модели через одни и те же лексические средства, но с разной интонационной расстановкой: одни и те же единицы (*холмы, вечер, пустыня, звезды*) могут обозначать и глубокоую чувственность, и рациональную, отстранённую рефлексию.

На сюжетно-тематическом уровне репрезентация образов восточной и западной культурных парадигм осуществляется при помощи устойчивых мотивов, пересекающихся в единой сюжетной композиции и ритмике произведений поэта (Капинос, Куликова, Лошилов, 2020). Как показывает анализ поэтического корпуса Бунина, мотив пути, путешествия, изгнания становится центральным для передачи обеих парадигм: так, например, восточное пространство часто становится местом воспоминаний, утраченной целостности лирического героя (оно наполнено интимной чувственностью, где время замедлено и память оживает через близкие образы): *«Я приближаюсь в сумраке несмело / И с трепетом целую мел и пыль / На этом камне, выпуклом и белом... / Сладчайшее из слов земных! Рахиль!»* («Гробница Рахили») (КПТ: Бунин, 2003-2026). Западное пространство репрезентируется как место движения времени, нравственной рефлексии, где зачастую герой соотносит пережитое с историческим контекстом: *«На распутье люди начертали / Роковую надпись: "Путь прямой / Много бед готовит, и едва ли / Ты по нем воротишься домой..."»* («На распутье») (КПТ: Бунин, 2003-2026). Лирический герой в таких сюжетах то растворяется в пейзаже, погружаясь в эмоциональный поток, то принимает позицию наблюдателя, аналитически оценивающего обстоятельства и собственные чувства. Эта смена фокализации (фокусировки) создаёт эффект двусмысленности: Восток вызывает ностальгию и притягательность, но одновременно подвергается стилизации и идеализации, редуцируясь до эмоционального ландшафта, в котором память и личная утрата замещают историческую конкретику; Запад предстает не столько как географическая данность, сколько как этическая и историко-социальная сцена, где движение времени измеряется не только личной памятью, но и судьбами социума.

Мотивы любви, утраты и разлуки пронизывают поэзию Бунина, связывая интимное и коллективное: личные воспоминания превращаются в условные знаки личной травмы лирического героя, а эмоциональная интонация становится инструментом осмысления социального и нравственного измерения переживаний: *«Засинели, темнеют равнины... / Далеко, далеко в тишине / Колокольчик поет, замирая... / Мне грустней и больнее вдвойне. <...> Но душа еще ждет и тоскует... / О, зачем ты и ночью и днем / Вспоминаешься мне так призывно? Отчего ты везде и во всем?»* («По вечерней заре») (КПТ: Бунин, 2003-2026). При этом любовный мотив в «восточной» интерпретации чаще ассоциируется с телесностью, роскошью и обречённой красотой, тогда как в «западной» парадигме он филигранно анализируется и осмысливается как опыт, ведущий к нравственному и экзистенциальному выводу. Мотивы времени реализуются через оппозицию кругового (циклического) и линейного хронотопа: восточные образы склонны к цикличности и вечной повторяемости мотивов, образов, характерных маркеров (*пальма, ковер, базар, вечер, пустыня, звезды*). Западная парадигма ориентирована на ход событий и историческую переменную (*«Не во тьме ль веков остался / День, когда с тоской / Человек, как раб, склонялся / Ниц перед тобой...»* («В костеле») (КПТ: Бунин, 2003-2026)), что в тексте проявляется через рефлексию над прошлым, постепенно выстраивающим нравственную и историческую перспективу, которая в том числе влияет на формирование поэтического мировосприятия Бунина.

Оценивая **роль взаимовлияния образов культурно-цивилизационных моделей Востока и Запада** в конструировании художественного мира Бунина, прежде всего, отметим, что данный процесс служит ключевым приемом организации пространства, времени и субъективности, через который реализуется мировосприятие поэта. При этом взаимопроникновение культурных кодов не ограничивается декоративным заимствованием мотивов, а выступает как процедура смыслообразования, в которой образы и приемы одной традиции трансформируют и выделяют смысловые возможности другой. Все это обусловлено тем, что:

- подобное взаимовлияние служит источником формирования новых символических знаков и метафорических пластов: восточные *ночь, пальма, базар, вечер, пустыня, звезды* и западные *церковь, костел, город* становятся не просто локальными мотивами, а знаками, через которые поэт кодирует сложные нравственные и исторические смыслы, превращая конкретные предметы в концентрированные метафоры, средства проектирования поэтической субъективности и механизмы репрезентации взаимной печати Востока и Запада;
- смешение культурно-цивилизационных кодов обеспечивает полифонию голосов и позиций: лирический герой зачастую немонологичен, он колеблется между восточным созерцанием и западной прагматической рефлексией, между интимной, чувственной вовлечённостью в пейзаж и критическим взглядом наблюдателя, что создает стратегию двойственности (многослойности) (*«В святой Софии голуби летали, / Гнусил мулла. Эректеон был нем. / И боги гомерических поэм / В пустых музеях тыли и сучали...»* («В костеле») (КПТ: Бунин, 2003-2026)), при этом противоположности не нейтрализуются, а становятся движущей силой смыслообразования и формирования поэтического мировосприятия;
- формально-художественные средства, через которые реализуется диалог Востока и Запада, обеспечивают единство полифонии: лексика и ориентальные мотивы (*жасмин, чаща, месяц*) соседствуют с лаконичными высказываниями (*город, дорога*); синтаксические сдвиги и музыкальные паузы создают ритмическую двуплановость (подобный контраст – не случайная стилистическая игра, а инструмент моделирования эмоциональной тональности и смысловой перспективы поэтических произведений Бунина);
- полифония образов у поэта имеет и этически-философский аспект: она позволяет избегать однозначной экзотизации и «бесцветной рационализации» мира (поэт не фиксирует «чужое» как пассивный объект, а вступает с ним в отношение, где художественные образы служат не просто декоративными маркерами, а средствами интерпретации).

Заключение

Таким образом, приходим к следующим выводам. Во-первых, важно отметить, что диалогизация культурных парадигм в поэзии Бунина выступает не как простое сосуществование восточных и западных мотивов, а как целостный процесс интеграции, в котором отдельные восточные маркеры обретают значимость через системное взаимодействие с западными кодами и становятся полноправными элементами художественной системы поэта. При этом подчеркнем, что интеграция восточных элементов в поэзии Бунина не сводится к копированию узнаваемых экзотических атрибутов – она предполагает их преобразование в рамках поэтического синтаксиса и семантических полей произведения. Восточные образы и формулы вступают в диалог с западными кодами на уровне метафоры и ритма, переформируются в новые метонимические и метафорические связи, тем самым оказывают влияние на коммуникативную позицию поэта.

Во-вторых, анализ приёмов репрезентации образов двух культурно-цивилизационных моделей – Востока и Запада – позволил обнаружить особенности их реализации на семантическом и сюжетно-тематическом уровнях. Так, на семантическом уровне это проявляется в перераспределении смысловых полей, в переносе и оживлении образов через метафорические и ассоциативные связи; на сюжетно-тематическом – в плотном переплетении мотивов, где пространственные и культурные пласты пересекаются в единой сюжетной композиции и ритмике произведения. В то же время репрезентация образов двух парадигм у Бунина является не только диалогичной, но и динамичной: восточные элементы модифицируют восприятие западных образов, внося фоновые ассоциации, эмоциональную тональность и тематические акценты, что усиливает глубинную полифонию художественного мира поэта.

В-третьих, взаимодействие рассматриваемых культурных парадигм в поэзии Бунина выступает не вспомогательной декорацией, а содержательно-структурным средством воплощения его поэтического мировосприятия. При помощи экзотической лексики, метафоризации, эпитетов, звуко-ритмических повторов, с одной стороны, и контрастных мотивов, смещения перспектив, диалогизации повествовательных позиций, с другой стороны, создаётся многослойная художественная ткань, в которой культурные коды взаимно уточняют и трансформируют друг друга, что говорит о существенной роли взаимодействия двух культурных парадигм для воплощения поэтического мировосприятия Бунина.

В качестве перспективы дальнейшего исследования проблемы видится анализ поэтических произведений Бунина, осуществляющийся при помощи традиционной текстуальной интерпретации в сочетании с корпусными и количественно-статистическими методами, что позволит проследить распространённость и закономерности употребления восточных и западных маркеров в поэтическом корпусе автора и соотнести их с жанровой спецификой и метроритмическими особенностями поэзии в разные периоды творчества.

Материалы исследования | Research materials

1. Корпус поэтических текстов: Бунин (КПТ: Бунин) // Национальный корпус русского языка. 2003-2026. <https://ruscorpora.ru/page/corpus-poetic-authors/>

Источники | References

1. Алейников О. Ю. «Потаённые» смыслы в лирике И. Бунина о мусульманском востоке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Филология. Журналистика». 2020. № 4.
2. Анисимов К. В. Ближний Восток И. А. Бунина и Африка Н. С. Гумилева: путешествия по «карте» литературных школ // Имагология и компаративистика. 2022. № 17.
3. Анисимов К. В., Щавлинский М. С. Историко-литературный контекст бунинского травелога «Храм солнца». На фоне кого Бунин «вышел в гении»? // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. <https://doi.org/10.17223/19986645/80/9>
4. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс; Универс, 1994.
5. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Русское слово, 2002. Т. 6. «Проблемы поэтики Достоевского», 1963. Работы 1960-х – 1970-х гг.
6. Евдокимова О. К., Иванова И. К., Федяй С. В. Культурный код в русской литературе второй половины XX века (концепции и особенности воплощения) // Эпомен: филологические науки. 2022. № 2.
7. Жарикова Е. Е. Ориентальные мотивы в лирике поэтов русского зарубежья Дальнего Востока // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 1.
8. Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. / пер. с фр. Е. Васильевой и др. М.: Издательство им. Сабашниковых, 1998. Т. 1.
9. Капинос Е. В., Куликова Е. Ю., Лошилов И. Е. Сюжет в системе культурных универсалий: Бунин, восток и запад русской эмиграции: Всероссийская научная конференция (г. Новосибирск, 22-24 сентября 2020 г.) // Гуманитарная парадигма. 2020. № 3 (14).
10. Карпенко Г. Ю. Путь с Востока: И. А. Бунин и Н. К. Рерих о единстве человечества (литературно-историософский и антропологический контекст) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2024. Т. 28. № 1. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2024-1-123-134>
11. Карпенко Г. Ю., Мишра П. «Индийский парадокс» в творчестве И. А. Бунина // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4. № 2. <https://doi.org/10.18287/2782-2966-2024-4-2-61-68>

12. Карпенко Г. Ю., Франковская Л. В. Особенности художественной гносеологии И. А. Бунина: от наблюдения до «чувственной памяти» // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2023. № 4 (42). Т. 1.
13. Ковалева Т. Н. Евангельская основа темы братства людей в творчестве И. А. Бунина // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 2. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2024.13582>
14. Ковалева Т. Н. Мир Востока в лирике И. А. Бунина 1900-1910-х годов // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2017. Т. 11. № 1.
15. Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968-1992). СПб.: Искусство-СПБ, 2004.
16. Лю Юаньюань. Буддийская концепция «сансара» в творчестве И. А. Бунина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 5.
17. Лю Юаньюань. Творчество И. А. Бунина и его рецепция в Китае – социальные, эстетические и философские аспекты: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2023.
18. Молодяков В. Э. «Не хотел признавать специфического характера эпохи рубежа веков»: неопубликованные заметки Леонида Долгополова об Иване Бунине // Литературный факт. 2020. № 2 (16). <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-16-182-199>
19. Николаев Д. Д. Поездка в поезде как сюжетный прием в творчестве Бунина. Статья первая: Запад и Восток // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2. <https://doi.org/10.25205/2410-7883-2020-2-355-370>
20. Прожогина С. В. Дуальность Востока и Запада: взаимообусловленность и взаимодополнительность в зеркале литературы // Историческая психология и социология истории. 2022. Т. 16. № 1. <https://doi.org/10.30884/ipsi/2022.01.09>
21. Рахманова А. Х. Концепты жизни и смерти в творческом наследии Бунина // Universum: филология и искусствоведение. 2021. № 9 (87).
22. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. Изд-е 2-е, исп. и доп. / пер. с англ. и посл. А. В. Говорунова. СПб.: Русский Мир, 2006.
23. Фенчук О. Н. Структура и функции памяти в поэзии И. А. Бунина: автореф. дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 2012.
24. Шевчук В. Г. Диалог культур и синтез искусств в теоретических и художественных текстах русских авангардистов начала XX века // Уникальные исследования XXI века. 2015. № 8 (8).
25. Якобсон Р. О. Работа по поэтике / сост. и общ. ред. М. А. Гаспарова; вступ. ст. В. В. Иванова. М.: Прогресс, 1987.
26. Яусс Х.-Р. К проблеме диалогического понимания // Вопросы философии. 1994. № 12.
27. Bakhtin M. M. The dialogic imagination: four essays. Austin – L.: University of Texas Press, 1981.

Финансирование | Funding

- RU** Публикация подготовлена при поддержке гранта Национального фонда социальных наук Китая в рамках научного проекта «Исследование эстетического сознания общности в поэзии И. А. Бунина» (номер проекта: 22BWW030), Проект по исследованию науки для талантов на высоком уровне 2020 года Цзянсуского второго педагогического института (номер проекта: 927801/026).
- EN** The publication was prepared with the support of a grant from the National Social Science Fund of China within the framework of the research project “Study of the Aesthetic Consciousness of Community in the Poetry of I. A. Bunin” (project number: 22BWW030), High-Level Talent Science Research Project 2020 of Jiangsu Second Normal University (project number: 927801/026).

Информация об авторах | Author information

- RU** Лу Чи¹, д. филол. н.
¹ Цзянсуский второй педагогический институт, г. Нанкин, Китайская Народная Республика
- EN** Chi Lu¹, Dr
¹ Jiangsu Second Normal University, Nanjing, The People’s Republic of China
¹ luchi617@126.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 26.06.2026; опубликовано online (published online): 18.08.2026.

Ключевые слова (keywords): диалогическое взаимодействие; восточная и западная культурные парадигмы; поэзия И. А. Бунина; художественный мир поэта; феномен диалогизации; семантический и сюжетно-тематический уровни; dialogical interaction; Eastern and Western cultural paradigms; I. A. Bunin’s poetry; poet’s artistic world; phenomenon of dialogization; semantic and thematic-plot levels.